

КОГДА возвращаешься из поездки в Соединенные Штаты и самые противоречивые впечатления не дают покоя, очень хочется почитать, что пишут другие об Америке. Мне повезло, в руках у меня оказалась новая книга Генриха Боровика — роман-эссе «Пролог». Художественная политическая проза, которая, несмотря на то, что у книги ни много, ни мало полумиллионный тираж, по-видимому, так заинтересовала читателя, что эта отличная работа издательства «Правда» стала дефицитом.

Итак, Америка. Ее люди, живые, запоминающиеся характеристики.

Каждый, кто прочтет эту книгу, уверит, представит совершенно реально и запомнит надолго встречу с молчаливым владельцем отеля в городке Брасселс на Миссисипи, который «по совместительству» является практически полновластным хозяином всего городка. И с добродушным виолончелистом Шарлотту Мурман, искренне считающую, что большое общество может вылечить только авангардистское искусство. И преуспевающего адвоката, от которого ушел сын и который ищет не только его, но и причины, по которым тот порвал с обеспеченными родителями. И те-хасского миллионера, обидчивого «знатока искусств», который вместе с приятелями, сидя в курительной комнате загородного клуба, заставил известную на весь мир певицу, приехавшую в Нью-Йорк, петь им за крупную сумму денег арию Кармен... по телефону. И трагическую фигуру Мартина Лютера Кинга. И страшного в своей простоватости и уверенности в том, что ему все дозволено, главу ФБР Гувера.

Люди, их характер — главный объект исследования автора. Американцы, простые и непростые, высокопоставленные и занимающие самые низкие ступени на иерархической лестнице ценностей здешнего общества. Если бы книга представляла собой просто галерею портретов американцев, то и тогда она вызвала бы наш интерес, могла бы обогатить наше знание жизни знакомством с очень разными людьми Америки — с их взглядами на жизнь, с их бытом, с их заботами, радостями, с их образом мысли.

Но роман-эссе, рассказывающий об одном годе неспокойной жизни Соединенных Штатов — а точнее, об одном из самых бурных годов в истории Америки, 1968-м, — дает нам нечто большее. Из характеров, которыми населена книга, возникает обобщение, вырисовывается характер жизни самой Америки, ее общественного строя, характер так называемого «американизма».

Кто-то сказал: об Америке очень трудно писать, все, что ни напишешь про нее, — все правда, ибо страна огромна и противоречива. Ответственность художника и состоит в том, чтобы под увеличительное стекло его взгляда попало самое характерное, самое важное, определяющее для жизни страны.

Не случайно, по-видимому, выбрал автор для своего повествования именно 1968 год. Год для США кризисный, критический, когда, с одной стороны, развертывалась война американского империализма против вьетнамского народа, с другой — ширилось антивоенное и общедемократическое движение. Год двух вызвавших шок политических убийств, год выборов президента. В тот год особенно ясно проявилось и то прекрасное и здоровое, что есть в народе Америки, и то низкое, оскорбительное для человека, что заложено в ее строе, в имперском мышлении ее хозяев. Книга, по существу, и рассказывает о взаимоотношениях человека с этим же-

стоком, обесчеловечивающим обществом.

1968-й. Не глубокая ли это история, учитывая темпы нашей жизни? Не ушел ли в безвозвратное прошлое рассказ о преступлении лейтенанта Кэлли? Не запоздало ли писательское расследование убийства Мартина Лютера Кинга? Нет.

Справедливо пишет автор в своем предисловии, что «в каком-то смысле 1968-й — жестокий, самодовольный, гневный и растерянный, с глазами, налитыми кровью и слезами, — пролог Америки восьмидесятых».

Книга очень актуальна сегодня. Прежде всего потому, что автор повествует не просто о событиях, но о тех, кто вершил эти события, вскрывая их психологию, их характер, тем самым показывая и глубинную суть самих событий и явлений. А суть эта и характер этот не изменились сегодня.

Преступление, совершенное лейтенантом Кэлли, стало уроком для американской военщины. Но не для того, чтобы не совершать больше подобных преступлений, а чтобы скрывать их получше. Позор вьетнамской войны пы-

штате Иллинойс под названием Москоу Миллз — Московские Мельницы. И мэр, и его супруга радушно встретили гостя из далекой, «настоящей» Москвы. И им очень хочется показать свой город с самой лучшей стороны. И им очень не хочется говорить о каких бы то ни было тяжелых сторонах жизни. В том числе и связанных с войной во Вьетнаме. И это совершенно естественно в разговоре с иностранцем, гостем из России. Так и течет мирный, доброжелательный разговор, пока не прерывается он каким-то шумом в соседней комнате. Кажется, упало и разбилось что-то стеклянное. И дальше следует вот такой диалог:

— Джерри, — сказала хозяйка тихо. И повторила вопросительно: — Джерри?

— Да, мама, — отозвался мужской голос из соседней комнаты. Открылась дверь, и в комнату въехал на больничном кресле парень лет двадцати. Увидев нас, он резко остановился.

— Простите, — сказал он. — Я не знал... Я не видел машины...

— Ничего, ничего, — торопливо перебила хозяйка. — Знакомьтесь, это наш старший сын Джерри...

— Я там разбил чашку, — сказал Джерри матери. — Желтую?

— Да.

— Я ведь просила не трогать желтую.

— Ну, ничего, — примирительно сказал отец...

Возникла неловкая пауза, которую нарушила хозяйка. Она развела руками и просто сказала:

— Вьетнам.

— Да, Вьетнам, — подтвердил отец со вздохом.

ЧТО ЕСТЬ

«АМЕРИКАНИЗМ»?

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ГЕНРИХА БОРОВИКА «ПРОЛОГ»

ма, в которой он служит, смогла изготовить «улучшенный папалм», гораздо плотнее, чем прежний, «прилипающий» к голому человеческому телу. И несколько взбалмошную виолончелистку Шарлотту Мурман, искренне считающую, что большое общество может вылечить только авангардистское искусство. И преуспевающего адвоката, от которого ушел сын и который ищет не только его, но и причины, по которым тот порвал с обеспеченными родителями. И те-хасского миллионера, обидчивого «знатока искусств», который вместе с приятелями, сидя в курительной комнате загородного клуба, заставил известную на весь мир певицу, приехавшую в Нью-Йорк, петь им за крупную сумму денег арию Кармен... по телефону. И трагическую фигуру Мартина Лютера Кинга. И страшного в своей простоватости и уверенности в том, что ему все дозволено, главу ФБР Гувера.

Люди, их характер — главный объект исследования автора. Американцы, простые и непростые, высокопоставленные и занимающие самые низкие ступени на иерархической лестнице ценностей здешнего общества. Если бы книга представляла собой просто галерею портретов американцев, то и тогда она вызвала бы наш интерес, могла бы обогатить наше знание жизни знакомством с очень разными людьми Америки — с их взглядами на жизнь, с их бытом, с их заботами, радостями, с их образом мысли.

Но роман-эссе, рассказывающий об одном годе неспокойной жизни Соединенных Штатов — а точнее, об одном из самых бурных годов в истории Америки, 1968-м, — дает нам нечто большее. Из характеров, которыми населена книга, возникает обобщение, вырисовывается характер жизни самой Америки, ее общественного строя, характер так называемого «американизма».

Кто-то сказал: об Америке очень трудно писать, все, что ни напишешь про нее, — все правда, ибо страна огромна и противоречива. Ответственность художника и состоит в том, чтобы под увеличительное стекло его взгляда попало самое характерное, самое важное, определяющее для жизни страны.

Не случайно, по-видимому, выбрал автор для своего повествования именно 1968 год. Год для США кризисный, критический, когда, с одной стороны, развертывалась война американского империализма против вьетнамского народа, с другой — ширилось антивоенное и общедемократическое движение. Год двух вызвавших шок политических убийств, год выборов президента. В тот год особенно ясно проявилось и то прекрасное и здоровое, что есть в народе Америки, и то низкое, оскорбительное для человека, что заложено в ее строе, в имперском мышлении ее хозяев. Книга, по существу, и рассказывает о взаимоотношениях человека с этим же-

стаются превратить в «славную» страницу американской истории не просто для того, чтобы 1968 год перекрасить из черного цвета в голубой, а для того, чтобы объявить «героическим» американский разбой против крохотной Гренады. Лживые причины войны против Вьетнама — «остановить коммунизм!» — слово в слово сейчас повторяются Белым домом для оправдания войны в Никарагуа. Убийство Мартина Лютера Кинга агентами ФБР ведет к сегодняшнему терроризму, возведенному в ранг государственной политики.

Диагноз доктора Спока был использован хозяевами Америки не для того, чтобы лечить большое общество, а для того, чтобы болезнь «узаконить» и симптом ее объявить признаком «здоровья нации». И доктор Спок в 1984 году был вновь арестован за участие в антивоенной демонстрации, как тогда, в 1968-м. И даже полет к Луне, вызвавший в 1968 году гордость за человека, обернулся в середине 80-х безумными планами «звездных войн».

1968 год был настолько насыщен событиями, что если бы даже автор просто описал их, и тогда книга была бы и интересной, и важной. Но Генрих Боровик пошел по более трудному пути: он рассказывал о людях в событиях. О том, что чувствовали они, что думали, как поступали. Это и сделало книгу полной жизни, идейно и художественно убедительной.

Говоря о художественной стороне «Пролога», надо отметить, что не часто в произведении подобного жанра встретишь такое богатство языковых красок. Сцены, написанные с мягким юмором, перемежаются с эпизодами, выписанными с гневным сарказмом. Трагедийные события убийства Роберта Кеннеди соседствуют с убийственной иронией по поводу показного горя некоторых участников мессы по покойному кандидату в президенты в соборе святого Патрика. Полное напряженной драматургии мысли и характеров писателя расследование обстоятельств убийства Мартина Лютера Кинга перебивается отлично выписанным рассказом об интервью, которое кокетливо «прожужжало» перед телевизионной камерой известный американский писатель, жаждущий славы. А фантазмагорическая ночь, которую сторонники Никсона провели в ожидании результатов голосования в залах отеля Уолдорф-Астория, напоминающая чем-то булгаковский «бал», перебивается мягким, полным тоски по дому маленьким эссе о телефонном разговоре с Москвой. А чуть раньше — эпическая картина марша бедняков, идущих на Вашингтон.

Естественный, непринужденный диалог занимает немало места в книге и всегда работает на характерную герою, на сюжет, на раскрытие атмосферы. Приведу лишь один пример.

Автор проездом навестил мэра небольшого городка в

— Врачи говорят, что нога все-таки будет двигаться. Не полностью, конечно, но будет... Глаз ему сделали хорошо. Совсем незаметно, что нейлоновый, правда? Он лежал в Сан-Луисе. Четыре мессаца. Очень хороший госпиталь.

Все это она говорила, одновременно пытаясь силнее разбитую желтую чашку клеем, который выдавливала из тюбика.

— Он и был-то во Вьетнаме всего десять дней. Попал на мину.

— Да, на мину... — как эхо отозвался мэр.

И вот уже без дальнейших описаний встает перед глазами картина преступной далекой войны, ворвавшейся в благополучный быт маленького городка, затерявшегося где-то в самом центре Америки, в тысячах миль от Вьетнама, где Джерри не только был ранен, но, возможно, даже, наверное, убивал.

Автор ничего не декларирует. Он избегает поучений, сентенций. Он предпочитает показывать жизнь такой, какова она в действительности.

Но за этим внешне беспристрастным описанием всегда чувствуется позиция автора. Боровик как-то писал, что художественная публицистика обязательно предполагает струну, натянутую между автором и читателем. Такая струна взаимопонимания возникает между автором «Пролога» и его читателями сразу же, с первых строк. И уже не рвется, не исчезает. И струна эта звенит благодаря не любовной интриге, не замысловатым приключениям героя, а благодаря славу мысли и чувства, которые теплой живой волной идут от рассказчика к читателю.

В книге вроде бы нет сквозного героя. В действительности он есть. Герой этот — американский народ, показанный уважительно, с симпатией к тому, что заложено в нем, как во всяком великом народе, и с гневом и болью к тому античеловеческому, что навязывает ему «американский образ жизни». Хочу отметить, что ключевое слово здесь — боль (а, скажем, не злорадство). И это тоже очень важно для понимания книги и позиции автора.

И есть еще один образ, который проходит сквозь весь роман. Возникающий независимо от воли писателя. Это образ самого автора.

Ясно вырисовывается фигура советского человека, писателя, публициста, журналиста. Не декларатора истины, но человека ищущего и открывающего эту истину вместе с нами при нашем активном участии.

В предисловии к одной из книг Генриха Боровика Константин Симонов писал о том, что прочел он эту книгу и будто побеседовал с ее автором. И понял его как человека. И мне понравился, написавший тогда Симонов, Генрих Боровик и как журналист, и как писатель, и как человек.

Мне хочется повторить эти слова Константина Симонова применительно и к «Прологу», потому что в нем — правда об Америке.

Виталий КОБЫШ